

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

14

ДЕКАБРЯ

1825

ГОДА

ОМЕГА-А

Александр Пресняков

**Восстание декабристов. 14
декабря 1825 года. Гвардия
в декабрьские дни 1825 г.**

Издательство «Омега-Л»

1926

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521-425

Пресняков А. Е.

Восстание декабристов. 14 декабря 1825 года. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. / А. Е. Пресняков — Издательство «Омега-Л», 1926

ISBN 978-5-370-05758-8

Александр Евгеньевич Пресняков (1870-1929), крупный специалист по истории Древней и Средневековой Руси, после событий 1917 года занялся изучением эпох Александра I и Николая I в политическом и экономическом аспектах. Его монография «14 декабря 1825 года», вышедшая в 1926 году — сразу после 100-летнего юбилея восстания — стала первым объективным, основанным на серьезном знании материала сочинением, посвященным трагедии на Сенатской площади. Ученый дореволюционной академической выучки, профессор Пресняков избежал политической тенденциозности, свойственной в тот момент как большевистским публицистам, так и ученым-марксистам. Строгий стиль историка не помешал ему живо воссоздать психологический климат эпохи, предложить читателю выразительные портреты лидеров Северного тайного общества — Рылеева, Трубецкого — и их соратников, равно как и всю человеческую напряженность этого рокового для русской истории дня. Не меньшую познавательную ценность представляет вторая часть издания — работа Георгия Соломоновича Габаева (1877-1956) «Гвардия в декабрьские дни 1825 г.» Полковник Габаев, закончивший Первую мировую войну командиром лейб-гвардии Саперного полка, был также первоклассным военным историком. Работа Габаева по сию пору остается непревзойденной по насыщенности достоверным фактическим материалом. Перед читателем предстает полный состав, расположение, вооружение гвардейских полков в тот исторический момент. Габаев анализирует настроения как гвардейских солдат, так и генералитета, соотношение сил противоборствующих сторон, указывает точное число жертв картечи и ружейной стрельбы. Опытный боевой офицер, военный профессионал, Габаев оценивает характер и смысл боевых действий, тактических решений

как мятежников, так и Николая с его генералами. Работа Габаева не просто дополняет исследование Преснякова — вместе они представляют уникальный комплекс знаний о таком сложнейшем явлении, как восстание 14 декабря 1825 года.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)521-425

ISBN 978-5-370-05758-8

© Пресняков А. Е., 1926

© Издательство «Омега-Л», 1926

Содержание

I	7
II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Евгеньевич Пресняков

Восстание декабристов

14 декабря 1825 года

© Габаев Г. С. (наследники), 2026

© Обласов В. Ю., оформление, 2026

© Издательство «Омега-Л», 2026

I

Общественная почва декабрьского восстания

«В высочайшем манифесте о восшествии вашем на престол, как бы в утешение народа, сказано, что ваше царствование будет продолжением предыдущего. О, государь! ужели сокрыто от вас, что эта самая мысль страшила всех, и что одна токмо общая уверенность в неперменной перемене порядка вещей говорила в пользу цесаревича». Так писал декабрист Штейнгель императору Николаю I в январе 1826 года из каземата Петропавловской крепости, вспоминая то впечатление, какое произвело заявление Николая в манифесте от 12 декабря 1825 года¹, что его царствование будет «токмо продолжением» царствования Александра I и что он намерен «следовать примеру» старшего брата. «Царствование его», – пишет дальше Штейнгель об Александре, – если разуместь под словом сим правление, было во многих отношениях для России пагубно, под конец же тягостно для всех состояний, даже до последнего изнеможения».

Штейнгель высказал в этом письме суждение об итогах alexandrovского царствования, на котором настаивали не одни декабристы в своих письмах и показаниях. Коренное изменение всей правительственной деятельности – и во внешней политике, и в делах внутреннего управления, – как противоречащей интересам страны и всех ее общественных классов, было требованием самых различных общественных кругов в последние годы alexandrovского царствования. Об этом свидетельствует богатый материал мемуаров и писем того времени, в которых так много отзывов о современных делах лиц, весьма далеких от деятельности и замыслов тайных обществ, людей, принадлежавших к правящей среде, к верхам придворного и административного аппарата, так же, как и рядовых обывателей из дворянского и купеческого общества. Об этом сообщает – после 14 декабря 1825 года – своему правительству французский посол Лаферронэ, хорошо осведомленный в настроениях петербургского общества и лично близкий к великому князю Николаю Павловичу. «Главная беда, – пишет он, – в том, что люди, самые благоразумные, те, кто с ужасом и отвращением взирал на совершавшиеся события, думают и громко говорят, что преобразования необходимы, что нужен свод законов, что следует видоизменить совершенно и основания и формы отправления правосудия; оградить крестьян от невыносимого произвола помещиков, что опасно пребывать в неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но идти за веком и медленно готовиться к еще более решительным переменам».

Лаферронэ уловил, что правительство раздражало общественную массу не только своими действиями, но и своей бездеятельностью, тем, что не шло оно хоть сколько-нибудь, хоть медлительно и постепенно, на мероприятия, назревшие в нуждах народно-хозяйственной и гражданской жизни. Правительство не пользовалось ни доверием, ни уважением даже в кругах, которые были настроены вполне по-обывательски и весьма консервативно. Резкие проявления деспотизма и произвола во всех областях управления, разгул хищений и вымогательств, волокита и беспорядки в делопроизводстве вскрывали бессилие власти справиться с задачами управления. А вместе с тем это правительство выступало властно и повелительно, резко противопоставляя свои интересы общественным стремлениям и потребностям. В обществе – и не только в среде декабристов – толковали, что происходит отделение «трона» от «народа». Такое «разделение» остро ощущалось в разных сторонах правительственной деятельности: и в финансово-экономической политике, в политике просвещения, и в постановке военного дела, и в отношениях международных.

¹ Опубликован 14-го, подписан 13-го, но задним числом.

«Выгоды казны совершенно не согласны с выгодами народа». Это заявление декабриста Каховского в письме к Николаю метко выразило общую мысль распространенной в разных кругах критики действий министерства финансов в их отношении к развитию экономических сил страны. Много настойчивых жалоб вызывал фискальный характер политики министерства в области таможенного, торгового и промыслового обложения; осуждалась система казенных монополий, и в борьбе казны с откупщиками общественные симпатии были на стороне откупщиков; резкую критику вызывали порядки казенных поставок, стеснительные для подрядчиков. Казна представлялась тяжелой соперницей частного предпринимательства в деле накопления капиталов. От правительства все настойчивее требовали служения интересам народившегося русского капитализма – и торгового, развертывавшего свои обороты, и промышленного, еще не окрепшего, но уже действенного; требовали ограждения его от иностранной конкуренции, сильной в делах внешней торговли, проникавшей и на внутренний рынок.

Бессилие руководителей государственного хозяйства справиться с депрессией денежного обращения, с резким падением курса, вызывало нарекания, как причина неустойчивости всех кредитных сделок и коммерческих расчетов, крупных убытков и банкротств. В этой критике всей финансовой политики власти сходились, в общем выводе, купечество и землевладельческое дворянство, втянутое рядом интересов в судьбы русской торговли и промышленности. Характерно притом, что в отзывах московского купеческого общества по вопросу о причинах упадка торговли и размера купеческих капиталов громче звучит голос промышленности фабричной, хлопочущей о покровительственных и запретительных пошлинах, а в суждениях землевладельческого дворянства, особенно среднего по размеру поместий, чьи интересы более всего определили политико-экономические мнения декабристов, популярны идеи экономического либерализма и свободной торговли. Характерны и другие их разногласия: купечество требует регламентации торговли для устранения со своего пути конкурентов-крестьян и помещиков, осуждает усиленный вывоз русского сырья за границу и в этих пунктах не может, конечно, рассчитывать на поддержку землевладельческой среды. Но в общей критике финансовой и экономической политики правительства они сошлись и потянулись, каждая группа по-своему, к подчинению этой политики влиянию организованных общественных сил: купечество – в проектах об учреждении комитетов из фабрикантов и торгующего купечества для руководства развитием промышленности и внешней торговли, а передовые силы помещичьего дворянства – в ряде конституционных проектов, подчинявших всю государственную жизнь преобразованию на началах «народного представительства».

Новый лозунг, выдвинутый еще Сперанским в его проектах государственного преобразования: «торговля, промышленность, просвещение», ставил задачи народного просвещения в связь с очередными потребностями социально-экономической жизни России. Тяга к усвоению и распространению новых идей и новых сведений, к обновлению образования на экономической, политической и философской литературе, созданной заново буржуазной культурой Запада, захватила на время и правительственные верхи, оживило строившееся в России университетское преподавание и общественный интерес к проблемам просвещения. Политическая экономия – в духе экономического либерализма Адама Смита – и статистика, охватывавшая в тогдашней ее постановке все стороны краеведения, политическая теория и публицистика – в духе буржуазного либерализма и конституционализма, – философия кантовского критицизма и английского утилитаризма – увлекают молодые поколения первой четверти XIX века. Интересы нового просвещения проникают и в купеческую среду, которая требует серьезной постановки коммерческого образования, чтобы поднять свой культурный уровень и техническую подготовку вровень с иностранными конкурентами. Крутой поворот правительственной политики с 1816 года на путь реакции с целью «основать народное воспитание на благочестии согласно с актом Священного союза» и установить «постоянное и спасительное согласие между верою, ведением и властью» – повел к разгрому только что налаженного преподавания

в высших учебных заведениях и к неистовому цензурному террору. Задачей стало пресечение всякого самостоятельного движения мысли и подавление той «промышленной образованности», как назвал один из декабристов новое направление интересов, которое вело к осмыслению назревавшей перестройки всех социально-экономических и государственно-политических отношений. И в этой области резко сказывалось все то же «разделение трона от народа». Вместо достижения поставленной цели – подчинять и «ввести в свои виды» подрастающие поколения – государственная власть только вконец подрывала реакционной политикой в области просвещения какое-либо влияние свое на «умоначертание» общества.

Более непосредственной опасностью для этой власти грозила утрата ею популярности в воинской среде. «Воинская сила есть верх и утверждение всех других сил государственных», – писал в свое время Сперанский в одной из записок, подводивших четкие итоги его беседам с Александром на политические темы: «и сие не только в отношении к внешней безопасности, но и в отношении к внутренней силе правительства; без воинской силы ни законы, ни управление действовать не могут». А затяжной период боевой деятельности и воинских походов создал неизбежную трещину в этой главной опоре правительственной власти, в отношениях между ее самодержавным вождем, с одной, и боевым командным составом, а также солдатской массой, с другой стороны.

Гатчинские питомцы, Александр и Константин, были по-своему правы, когда находили, что война портит войска. Армия в походах теряла ту механическую выправку, которая достигалась беспощадно жестокой дисциплиной, обезличивавшей солдата, подавлявшей и подрывавшей его силы, а командный состав воспитывала в армейской обособленности от гражданского общества и в слепой покорности верховному вождю, «своему» государю военных. В годы войны эта армия почувствовала себя не пассивным орудием верховного командования, а силой, действующей на широкой арене крупных событий; походная жизнь разбила мертвящие рамки плац-парадной муштровки и при всех тяготах своих освобождала от каторги казарменного быта, поневоле сближала офицеров с солдатами в боевом товариществе, а долгое пребывание войск за границей расширяло их кругозор, знакомило с чужой культурой, иным складом понятий и отношений. Тяжелое впечатление произвело настойчивое стремление Александра, как только он прибыл к армии, еще в конце 1812 года в Вильне подтянуть войска в отношении мелочного соблюдения формы, производить смотры утомленным в походе воинским частям, вернуть их к утраченной «фронтмании». Такие приемы вызывали ропот, и Ермолову не были ни забыты, ни прощены слова, сказанные им в Париже младшим братьям Александра, что русские войска служат не государю, а отечеству и пришли в Париж защищать Россию, а не для парадов.

Недовольство воинских частей могло только усилиться по возвращении на родину, когда с переходом на мирное положение на них снова легла тяжелая муштровка, с «одиночным учением», мучительными упражнениями в «держании ноги» на весу при тихом ходе, «вытяжкой носков» и тому подобными приемами шагистики, и снова пришлось свыкаться с постылой обстановкой казарменного полкового быта, пропитанного крепостническим духом, с грубым и жестоким обращением службистов-фронтвиков из унтер- и обер-офицеров; ведь солдатская служба «в течение 25 лет почти была каторгой», по отзыву офицера-декабриста. К возвращавшимся из заграничного похода приходилось начальству прикомандировывать офицеров, унтеров и ефрейторов особого подбора, чтобы заново «приучить полки к здешнему порядку», от которого они отвыкли.

А между тем опыт войны лишь углубил среди наиболее разумной части командного состава сознание не только бесполезности, но прямого вреда господствовавшей плац-парадной фронтмании и жестокой палочной дисциплины для воспитания войск и их боевой подготовки. Это всего ярче сказалось в быту того оккупационного корпуса, который был оставлен во Франции до осени 1818 года под начальством молодого генерала М. С. Воронцова. Ворон-

цов сделал решительную попытку преобразовать армейский быт, систему обучения войск и обращения с солдатами; начал последовательную борьбу с «бесчеловечием» в военной службе, отменил жестокие наказания за дисциплинарные проступки, не имевшие характера преступлений, преследовал произвольное битье солдат офицерами и их жестокое, крепостническое обращение с денщиками; принял меры к подъему культурного уровня солдат обучением их по модной тогда «ланкастерской системе взаимного обучения», устроив в своем корпусе 4 училища; провел реформу военно-судного дела, устраняя из него царивший начальственный произвол. Воронцов в производимых им опытах видел начало общей реформы русского армейского быта и представлял о его результатах в Петербурге, предлагая учреждение ланкастерских школ по всей армии², реформу военного суда по началам, какие он изложил в особой записке³. А в результате – его корпус был по возвращении в Россию в 1818 году немедленно расформирован. Начинания его не получили, конечно, общего значения, но все-таки создали своего рода школу среди некоторых элементов командного состава, которым и удалось на время ввести в отдельных полках более культурные порядки.

Но отдельные усилия не меняли по существу общего армейского строя. А строй этот ложился особой тягостью на гвардию и вообще на войска петербургского гарнизона. В столице особое обилие постоянных караулов, смотров и плац-парадов выдвигало на первый план именно ту показную сторону службы, с которой связаны наиболее тяжкие ее стороны. К тому же она протекала на глазах у высших блюстителей фронтовой муштровки – императора Александра и его братьев, Николая и Михаила, и отборного командного состава фронтовиков-службистов, среди которых был весьма значителен процент служилых немцев, сугубо далеких от человеческого отношения к русскому солдату. С другой стороны, особым порядком комплектования гвардейских воинских частей, переводом в гвардию солдат из армейских полков, тех, которые там признаны были за лучших, обусловлен в общем относительно старший по возрасту их состав, причем если часть этих служак выходила в унтера и ефрейторы путем сугубого усердия во фронтовом искусстве, на этом строила свою судьбу и становилась тяжелым орудием муштровки для прежних сотоварищей, то другая – и в их же среде и в рядовой солдатской массе – сносила удручающий и унижающий полковой режим с угрюмым и напряженным недовольством.

Струя свежего воздуха, ворвавшаяся в эту удушливую атмосферу полкового быта в период наполеоновских войн и особенно заграничных походов 1813–1814 годов, вызвала несомненное брожение в солдатской массе, грозившее стать политически опасным. Солдат стал более впечатлителен к унижению своего личного и корпоративного достоинства, чувствительнее к несправедливости, произволу и жестокой грубости; солдаты стали задумываться над своею участью и обсуждать ее. Участникам «освободительных» войн представилось несносной несправедливостью возвращение под барскую и офицерскую палку; трудами боевых походов казалось заработанным право на улучшение участи рядового воина и той закрепощенной массы, из которой он вышел. Ропот вызывала судьба отставных, выбывших из строя за частичной мобилизацией, их беспризорность и обреченность либо на нищенское скитальчество, либо на возврат в крепостную деревню чужаком, отвыкшим от крестьянского труда и от постылого

² При главной квартире Воронцова была издана книга «Краткая метода взаимного обучения для первоначальной школы российских солдат, приспособленная равно и для детей. Крепость Мобеж во Франции 1817 г.», – сокращенный перевод одной французской книжки.

³ «Замечания о производстве в корпусе военных судов». Воронцов имел некоторое основание рассчитывать, что вводимые новшества встретят сочувствие высших властей. Император Александр еще в 1804 году в приказе инспектору кавалерии указывал на нелепость суровых наказаний за мелкие проступки и промахи; в «Военном Журнале» за 1810 год в статье «Еще и поныне» осуждались жестокость и тиранство за «учение», и то, что в войсках «поколачивают без содрогания», а в том же году военный министр Барклай-де-Толли осудил в особом циркуляре обоснование дисциплины и воинского порядка «на телесном и жестоком наказании». Но все эти выступления, слишком неопределенные и бессильные, не пошатнули системы «бесчеловечия», корни которой слишком глубоко вросли в самую почву самодержавно-крепостнического строя.

крепостного быта. Но и помимо таких гражданских настроений, свое воинское общественное мнение сказалось в солдатской массе неожиданной популярностью Наполеона, которого солдаты в толках своих противопоставляют, как подлинного вождя, не одному только «Дизвигову» (так они прозвали Людовика XVIII – le dix-huit), чьим ничтожеством поддразнивали французов; проявление своего рода культа наполеоновской славы в русской военной среде сказывалось и в Петербурге по возвращении войск, тревожило и смущало насторожившееся начальство. Бдительность этого начальства направлялась все напряженнее на брожение, скрывавшееся не только в гвардейских полках, но и в полках южной армии. Подавить его пытались усиленным применением старых приемов – суровой дисциплинарной требовательностью, жестокой расправой за малейшие ее нарушения, а всего больше обезличивающим и отупляющим фронтовым учением, которое стремилось замуштровать воинские части до полной механичности всех строевых движений.

Однако для проведения в жизнь этой мертвящей системы надо было располагать надежным командным составом, вполне проникшимся видами начальства. А такой состав далеко не всегда был под рукой. В ряде полков офицерство – особенно молодое – оказалось заразившимся новыми либеральными и гуманными тенденциями, в духе мобежских начинаний Воронцова. С перепугу их считали «якобинцами», носителями «революционного» духа. И высшие власти принялись за перетасовку и чистку офицерского состава. Широкое развитие получил в армии тайный политический сыск, шпионство и провокация, охотно принимались и получали ход доносы, усиливалось «внутреннее наблюдение». Идут пересмотры личного состава офицерства, их перемещения и смещения, исключения из службы, перевод в глухие окраины. На верхи командования последовательно подбираются фронтовики-службисты в ущерб людям с боевыми заслугами, популярным в войсках и смеющим свое суждение иметь; лица, наиболее популярные и авторитетные в военной среде, отталкивались в оппозицию правительственной власти, и все это усиливало ропот и недовольство среди офицерства, к тому же выходившего в основной своей массе из того среднего и мелкого дворянства, которое было в эти годы настроено оппозиционно по ряду других причин – общественно-экономического и политического характера.

Профессионально-корпоративные настроения военной среды сходились с настроениями общественной массы в недовольстве правительственной властью, направлением ее деятельности и личным составом ее наиболее влиятельных представителей.

Такая близкая, органическая связь брожения в воинских частях с оппозиционными настроениями более широких общественных кругов не была тайной для императорской власти. Всячески подавляя это брожение, власть остро ощущала расхождение с главной своей опорой. Армия была необходима, притом численно большая, в годы широкого размаха внешнего, европейского влияния России и значительной напряженности внутренних отношений в стране. Ее содержание поглощало огромную долю государственного дохода – до 45 %, ложилось большой тягостью на финансы и без того расстроенные, и все-таки было обеспечено далеко недостаточно. Ропот войск усиливался плохим состоянием полкового хозяйства, обычной необходимостью затрачивать на улучшение своего содержания и на поддержку в исправности амуниции собственные средства их личного состава – солдатские заработки и офицерские доходы; ропот общественный – размером непроизводительных затрат, не обеспечивавших достаточный уровень технического оборудования сухопутной и морской военной силы. Совокупность всех этих условий – экономических и политических – выдвинула план коренной реформы всей системы содержания войск с учреждением пресловутых военных поселений.

Мысль о них не была новинкой; знал ее и XVIII век; и при Александре первый опыт с ними был сделан еще в 1810 году. Но только с 1816 года устройство военных поселений развернуто в широкий план создания особого военно-земледельческого сословия с целью сократить расходы казны, облегчить рекрутчину, облегчить и содержание полков и их службу, кото-

рая впредь не должна отрывать солдата от семьи и привычного земледельческого труда. С 1816 года приступили к расселению воинских частей батальонами и эскадронами по волостям государственных крестьян с зачислением волостных крестьян в военные поселенцы ради комплектования войск подрастающими поколениями и содержания поселенных войск на самоснабжении от их земледельческого труда. Облегчения не получилось, так как казарменная каторга оказалась внесенной в быт поселений; военные поселенцы с 6 лет до 42-х обязаны соблюдать военную форму даже на полевых работах, весь их домашний и сельский быт подчинен строжайшей регламентации и связан усиленной военной муштровкой при все той же мелочной и жестокой дисциплинарной расправе командного состава. Военные поселения стали сразу ненавистны народной массе, их насаждение и распоряжки встречены попытками сопротивления, которые подавлялись с безудержной жесткостью. Не получилось и экономии. На оборудование военных поселений пришлось затратить такие суммы, что, по мнению сведущих людей, на одни проценты с этого капитала можно было бы содержать такое же количество войск.

С другой стороны, все это дело вызвало раздражение и тревогу в дворянских общественных кругах. Тут в учреждении военных поселений видели прежде всего политическую цель и политическую опасность, притом двойную, обоюдоострую. В среде, отнюдь не оппозиционной, на верхах придворного общества толковали о том, что устройство военных поселений «создает в стране особое военное сословие», вооруженную силу в руках верховного вождя, «непосредственно признающую только его волю», силу, которая может стать орудием подавления всякого общественного движения к свободе. Так рассуждала о поселениях даже императрица Елизавета в письме к матери, а декабрист Сергей Трубецкой видит в них «особую касту, которая, не имея с народом почти ничего общего, может сделаться орудием его угнетения», составляя притом такую силу, «которой в государстве ничто противустоять не может». Граф С. Р. Воронцов называл поселенцев «новыми стрельцами», а секретарь императрицы Лонгинов, соглашаясь с ним, предвидит, что эта каста «уничтожит дворянство». В недоверии к дворянству, которое слишком долго распоряжалось престолом, видели объяснение преданности Александра гатчинской военщине. «Он совсем не любит дворянства», пишет об Александре французский посол граф Ноайль, «нелюбим последним и считает себя достаточно сильным со своей армией, чтобы действовать против всякого врага не только внешнего, но и внутреннего». Когда эта уверенность пошатнулась, Александр ухватился за идею военных поселений, как за попытку создать армию, независимую от дворянства и рекрутских наборов: так смотрят на дело новейшие исследователи вопроса⁴. Но императрица и Трубецкой видели также другую сторону дела: новая сила либо будет в руках государя, либо ее использует «народная партия»; поселения могут стать очагом стихийного восстания или дать опору какому-нибудь «хитрому честолюбцу». Мысль о военных поселениях, как о возможной революционной силе, бродила в уме декабристов накануне восстания, а некоторые после его неудачи признали ошибкой, что не было сделано попытки связаться с поселениями; но призрак народного стихийного движения неизбежно парализовал такие мысли.

Упразднение военных поселений стало одним из неперемennых общественных требований: в них было одно из наиболее ярких воплощений разлада общества с властью. Военная реформа признана необходимой, но желательное ее направление представлялось совсем иным. Военным поселениям противопоставляли сокращение срока службы, хотя бы до 12 лет. Такая постановка вопроса была тем более естественной, что еще в 1811 году особый комитет принял, согласно с желанием императора, предложение адмирала Мордвинова о таком уменьшении срока солдатской службы, а в 1816 году прямолинейный исполнитель насаждения поселений

⁴ С. Н. Валк, статья «Поселения военные» в Энциклопед. словаре, изд. Гранат. А. Н. Шебунин, «Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века» («Борьба классов», кн. 1–2). Письмо императрицы Елизаветы (июнь, 1820) в «Русск. Архиве», 1910, кн. 3 (в издании ее переписки с великим князем Николаем Михайловичем этого нет). Записки князя С. П. Трубецкого (П., 1907), стр. 15–16.

Аракчеев сам возражал против них и предлагал вместо того сокращение срока до 8 лет⁵. Так и тут, в военном деле, ряд назревших преобразований и в постановке воинской службы и в пересмотре всего ее устава, по существу признанных, хотя бы частично, самой верховной властью, не только остался без осуществления, но и подвергся искажению, а осужденные отрицательные стороны армейского быта и строя только усилены и стали еще тяжелее. И в этой области видим резкое расхождение между верховной властью, заблудившейся на путях политической реакции, и нарождавшейся новой общественностью не только гражданской, но и военной.

Все эти отношения достигли особой напряженности с 1820 года, после волнений в Семеновском полку. Этот взрыв вскрыл глубокий надрыв в быту и настроениях гвардии. Систематическое и намеренное обременение солдат непосильными требованиями, с целью их «подтянуть» и «выбить дурь из головы этих молодчиков», по выражению Аракчеева, все больше входило в систему и по временам вызывало протесты и жалобы в разных полках, причем обычен был один результат: строгое наказание «беспокойных». Семеновскому полку пришлось с апреля 1820 года, с назначением нового командира, полк. Шварца, из аракчеевской фронтовой школы, пережить крутой перелом полкового быта в самой резкой и уродливой форме. Заведенные им порядки были не только мучительны, изнуряя людей, и разорительны, так как заставляли их на свой счет выправлять амуницию, но принимали характер прямого издевательства и надругательства. Конечно, Шварц был только крайним воплощением системы, которой опорой стал по отношению к первой Гвардейской пехотной бригаде великий князь Михаил Павлович, назначенный ее командиром в 1819 году, и не он один доводил ее до замены ученья бессмысленной дрессировкой в разных фронтовых «штучках», приемами грубой и оскорбительной жестокости в расправах по самому мелкому поводу. Но для семеновцев переход был слишком крут; до Шварца в этом полку жилось сравнительно легче, чем в других полках, с офицерским составом, из среды которого вышло несколько декабристов, и тогда уже причастных к тайному обществу. В таком офицерстве новый полковой командир ничего не мог встретить, кроме ненависти и презрения; семеновских офицеров генералитет потом и осуждал за то, что они бранили Шварца и насмехались над ним при солдатах. Было ли это бытовой чертой или намеренной пропагандой? Надо признать, что было и то и другое. В разгар сознательного стремления к общественной работе, к оздоровлению русской общественности пропагандой разумных понятий и освободительных тенденций, к сближению с солдатской массой, к подъему ее культурности и гражданского самоуважения – что так характерно для интеллигентских офицерских кругов за те годы – нравственная, по крайней мере, поддержка солдат против угнетавшего их командира со стороны офицеров Семеновского полка не могла ни отсутствовать, ни быть только бытовой и случайной. Но планомерных агитационных действий с намерением вызвать солдат на активное выступление в 1820 году не было и быть не могло в то время, когда искания организационной устойчивости и программы, целевой и тактической, были так еще расплывчаты и неопределенны в самом Союзе благоденствия. Передовое офицерство искало сближения с солдатской массой и влияния на нее, но далеко еще не было подготовлено, чтобы вызвать ее движение и руководить им. Солдаты Семеновского полка выступили в сильном, но сдержанном протесте против постылого гнета одни, без своих ротных и батальонных командиров и вопреки их уговорам. Встряска была крепкой и вызвала на верхах большую тревогу.

Демонстрация семеновцев нашла отклик. С трудом удалось двинуть к семеновским казармам егерей и конную гвардию. Преображенцы, лейб-гренадеры, солдаты Московского полка громко выражали сочувствие семеновцам. Полковые командиры не отвечали за свои полки: «каждый почти не был уверен в своих подчиненных и страшился, чтобы у него того же не произошло», писал генерал-адъютант Закревский в докладной записке по этому делу. Но движение не разрослось, характера восстания не приняло, ликвидировано без столкнове-

⁵ Некоторое сокращение – до 22-х лет – было установлено в 1818 г.

ний и без попытки сопротивления, оставив только сильное впечатление от правоты солдат, их удивительной выдержки и незаслуженно резкой кары. Однако даром опыт не прошел. Раскасирование всего личного состава полка, замененного новым формированием, разбросало старых семеновцев по разным воинским частям, где они сыграли, несмотря на сугубо бдительный надзор, свою роль в росте протестующих настроений армии и в подготовке отдельных ее частей к активному выступлению, особенно в южной армии...

Никто из членов Союза благоденствия в деле Семеновского полка участия не принимал. Только задним числом кое-кто из них пожалел потом, что случай был упущен. Усерднейшие розыски воздействия на семеновцев со стороны не привели ни к чему ни тогдашние власти ни позднейших исследователей. А между тем через несколько дней найдены были две замечательные прокламации, два воззвания – одно к преображенцам, другое вообще к «воинам», с призывом к выступлению на защиту семеновцев, составленные в решительном духе не политической только, но и социальной революции: войска призываются к восстанию не только против государя, но и против дворянства, призываются «арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть», выбрать новых «из своего же брата солдата», изменить государственный строй заменой государя законами, по которым управлять будут выбранные начальники, упразднить служебные привилегии дворянства, защитить себя «от бессильных и гордых дворян», которые высылают войска из Петербурга, «дабы тем укротить справедливый гнев воинов и избежать общего мщения за их великие злодеяния». Правительство отождествлено в этих воззваниях с дворянством; протест вызывает классовый характер государственной власти: угнетение народа податями сопоставлено с изнурением крестьян на барщине; несправедливое судебное место для бедняков, недоступность для крестьянских детей науки, хотя «она всякому безотменно нужна», вся эта социальная неправда должна побудить солдат, которые «в такой великой силе», не смотреть хладнокровно «на подлого правителя», а призвать его к ответу, «для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их и их (солдат) держать в таком худом положении».

Таким языком не говорил никто из декабристов не только в Северном, но и в Южном обществе, таких радикально-революционных суждений никто из них не высказывал. Оба воззвания – одного тона и, надо полагать, вышли из одних рук; по содержанию они только дополняют друг друга. Этот призыв к непосредственному и решительному перевороту остается признать проявлением чьей-то индивидуальной мысли. Чьей? Из какой среды? Настроение бунтарского радикализма можно для тех лет искать только вне круга тайных обществ, в более демократических кругах, от которых до нас не дошло почти никаких данных для более близкого ознакомления с ними. Это, всего скорее, та среда, которая имела свое место и значение не только в городской толпе вообще, но и в гвардейских казармах. Это та среда, о которой заговорил Каразин в ответ на вопрос графа Кочубея, могут ли среди солдат найтись такие, кто решился бы взять на себя начальство при каком-либо возмущении. «Кто знает, – отвечал Каразин, – между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте; много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных; есть и из дворовых весьма острые и сведущие люди, есть управители, стряпчие и прочие из господских людей... они, как и все, читают газеты и журналы». Воззвания 1820 года, столь близкие по тону и содержанию прокламациям шестидесятых годов, готовят нас к пониманию настроения толпы, окружавшей 14 декабря Петровскую площадь, толпы разночинцев, которые остаются пока на заднем плане общественного движения⁶.

⁶ Ср. В. И. Семевского, «Волнения в Семеновском полку в 1820 г.» («Былое», 1907 г., № 1–3); С. Я. Штрайх, «Восстание Семеновского полка в 1820 г.» (П. 1920); С. Берсенева, «С. И. Муравьев-Апостол». (М. 1920). Авторы эти склонны приписать воззвания 1820 года Сергею Муравьеву-Апостолу. Однако указываемые черты их сходства с агитационными формулами Муравьева касаются только общих мест антимонархической агитации, а то, что так характерно для приемов Муравьева – обращение к религиозным мотивам – отсутствует в воззваниях; наоборот, особо характерное для воззваний – обращение

Автор воззвания к преображенцам решительно противопоставляет правительство и дворян, на одной стороне, а солдат с крестьянами – на другой. Тут и весь его социальный кругозор. Общественное движение, достигшее высшей точки в деле декабристов, росло на иной почве. И тут могли ставить и ставили задачу отмены рекрутчины, уравниения всех сословий в воинской повинности, даже уничтожения постоянной армии, но как преобразований, которые проведет будущее обновленное правительство, а революцию представляли себе военным переворотом, выполненным воинскими частями в строю под командой офицеров, без самочинных действий массы. И тут ставили на очередь освобождение крестьян, но отнюдь не как их самоосвобождение, а как меру, назревшую в потребностях новой экономической жизни, для дальнейшего капиталистического развития которой являлось препятствием господство крепостного хозяйства, и притом не только потому, что оно тормозило рост внутреннего рынка для свободной торговли и лишало промышленность достаточного резерва рабочей силы, но особенно потому, что «крепостной труд составляет главное препятствие к введению агрономических улучшений», то есть только тормозит решительный переход помещичьего хозяйства в предприятие, построенное на началах аграрного капитализма; отсюда понимание реформы, как освобождения либо безземельного, либо с весьма малым наделом – в размере усадебной оседлости или 2–3-х десятин на двор – и с превращением крестьян частью в наемных батраков, частью в арендаторов помещичьей земли.

В этой среде было встречено полным сочувствием освобождение крестьян в губерниях Остзейского края, выполненное в интересах остзейских баронов-агровладельцев. При таких условиях наши сторонники крестьянской реформы имели основание рассчитывать, что правительство пойдет навстречу их проектам, тем более, что оно еще в самом начале александровского царствования обсуждало социальную реформу на началах свободы труда и собственности в негласном своем комитете. Однако и по этому вопросу пришлось убедиться в полном расхождении с властью, повернувшей к иным тенденциям. Не отвергая в принципе очередного значения самого вопроса, император Александр решительно отстранял всякий общественный почин в его возбуждении и решении. Так, на записку «о крепостном состоянии», составленную в 1819 году Н. И. Тургеневым по почину генерал-губернатора графа Милорадовича, император отозвался, что выберет, что найдет лучшим из поданных ему записок и что-нибудь сделает, когда найдет нужным; так он вполне отрицательно отнесся к предложению учредить общество для содействия освобождению крестьян, к которому примкнули представители общественных верхов, как граф М. С. Воронцов, князь А. С. Меншиков, граф Потоцкий, князь П. А. Вяземский и братья Тургеневы. Сторонникам реформы, хотя бы самой умеренной, пришлось лишний раз убедиться в полной безнадежности сдвига дела с мертвой точки.

Для последних лет александровского царствования характерен своеобразный паралич сколько-нибудь творческого правительственного почина. Формально огромная сила центральной власти растрачивалась на мероприятия столь же бесплодные, сколько тяжелые для русской общественности, устремившейся к новым путям дальнейшего развития производительных сил страны, социально-политической организации и всей культуры. В правительственной работе преобладала деятельность чисто отрицательная: усиление полицейского надзора и сыска, подавление порывов общественного почина, кастрация просвещения, безудержный гнет цензуры; в военном деле – мертвящая весь армейский быт фронтония, унижительный произвол и организованный политический сыск, не чуждавшийся приемов провокации; в государственном хозяйстве – слабосильные попытки наладить устойчивость денежного обращения,

к классовым инстинктам солдатской массы с попыткой внести в эти инстинкты сознательность – отсутствует у Муравьева. Удостоверено лишь то, что С. И. Муравьев-Апостол при начале волнений в полку уговаривал солдат своей роты «не губить себя и его» бесплодным выступлением. Ср. ценные замечания С. Н. Чернова в рецензии на книжку Штрайха – «Былое», кн. 22 (1923 г.) и в статье: «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.» (оттиск из уч. записок Саратов. Ун-та, т. IV; в. 1, стр. 26–27.).

фискализм, усиление обложения и тяга к казенным монополиям. Затрата больших народных средств на содержание громадного правительственного аппарата представлялась все менее производительной, настолько запущенными оказывались все стороны управления и неудовлетворенными насущные потребности страны. Поставленные на очередь самим же правительством реформы в разных областях народно-государственного быта оставались без движения, и даже подготовительная теоретическая их разработка остановилась после нового широкого плана государственного преобразования империи, выработанного в 1818 году по поручению Александра Новосильцевым, который составил было проект не только «государственной уставной грамоты», но и манифеста, объявляющего стране ее новую конституцию. Знаменательно совпадение вспышки в Семеновском полку с пребыванием Александра на конгрессе в Троппау (октябрь – декабрь 1820 года), где русский император окончательно спасовал перед австрийским министром и принял к руководству «меттерниховскую» систему реакционной политики. Сюда, в Троппау, привез Александру известие о «происшествии в Семеновском полку» П. Я. Чаадаев, тогда еще гусарский поручик. Александр усмотрел в этом событии одно из проявлений международного революционного движения, направленного против международного «Священного союза» законных властей и высказывал даже уверенность, что оно вызвано революционной интригой, чтобы создать ему затруднения и сорвать работу конгресса. С тех пор над ним тяготеет гипноз страха перед этой международной революцией; он чувствует общеевропейский и роковой характер движения: «современность происшествий не позволяет сомневаться в однородстве начал и причин оных». Мысль его с той поры сосредоточена на охранительной задаче: на защите монархической власти, и перед этой «великой задачей» должны отступить всякие иные побуждения в деятельности государей – членов «Священного союза».

Рассматривая все брожение в русских войсках и все русское общественное движение в связи с общеевропейской международной революцией, Александр подчинил этой точке зрения всю свою внешнюю политику. В результате получилось резкое противопоставление политических интересов самодержавной власти русским национальным и общественным интересам, как их понимали господствующие группы русского общества, а вместе с тем подчинение внешней политики России усиленному давлению австрийского правительства во всех очередных вопросах. «Явное сие господство и влияние венского кабинета над нашим» вызывало негодование и вело к последствиям, которые воспринимались как прямая измена национальным интересам. А еще острее воспринималась в том же смысле более самостоятельная польская политика Александра. В общем же вся общественная критика внешней политики правительства была тесно связана с острым недовольством внутренним состоянием страны, с исканием выхода из депрессии и расстройств внутренней жизни России и прямо из них вытекала.

Тягость рекрутских наборов и расхода на содержание большой армии в мирное время казалась ничем не оправдываемой, даже помимо неудовлетворительного ведения всего военного хозяйства. «Император Европы», как с укоризной и раздражением прозвали Александра, нуждается в этой силе для своей роли в европейских делах и участия в подавлении там, на Западе, всяких проявлений освободительного движения. А принципы европейской реакции далеко не пользовались сочувствием даже в наиболее консервативных кругах, так как противоречили их националистическому настроению. Последовательно проведенное на Венском конгрессе и усиленно проводимое «Священным союзом» отрицание принципа национальных самоопределений решительно расходилось с настроением общества, которое, с одной стороны, пробудилось к национальному самоутверждению на почве осознанных интересов русской торговли и промышленности, а с другой – видело интерес России не в подавлении, а в поддержке некоторых национальных движений, особенно на Балканском полуострове, греческого и южно-славянского, отчасти и среди австрийских славян. Освобождение национальных производительных сил от пут тяжкого политического и социального строя мыслилось в связи с созданием широких условий для их развития в международном положении страны; идея национальной

независимости обострялась требованием самостоятельной экономической политики, не подчиненной условным соображениям международной системы и тенденций «священного союза», а направленной на служение целям экономического развития страны и направляющей всю внешнюю политику ее правительства. Во всех общественных движениях первой четверти XIX века характерна эта связь стремления к политической свободе и национальной независимости. И национальные буржуазные революции в Испании (январь – март 1820 года), июльская – в Неаполе, пьемонтская вспышка в марте 1821 года – были понятны и встретили сочувственный отклик в передовых кругах русского общества; интерес и сочувствие они вызывали не только по существу, умеренно-либеральному и национально-конституционному, но и по форме военного переворота, организованного командным составом и свободного от элемента «анархии» – народного массового движения. Еще шире и глубже был общественный отклик на греческое восстание (в марте 1821 года).

Пассивное отношение императорского правительства к балканским делам сложилось под давлением меттерниховского понимания положения дел в Европе, когда необходимо во что бы то ни стало охранять международный мир, так как всякий военный конфликт вызовет новые революционные движения, в основе которых лежит опаснейший для европейского мира «подъем дремавших сил национальности». Бродили и порывались к активному влиянию и силы русской общественности; бродила и русская воинская сила; война казалась не разрядом для брожения, каким считались войны в другие исторические моменты, а рискованным экспериментом для правительства, напуганного перерождением армии в походах 1813–1814 годов. К тому же это воздержание от сколько-нибудь активного выступления имело свои объективные основания в расстройстве экономики страны и ее финансов. Здание казалось расшатанным в основах. Тронуть его – внутренней ли сколько-нибудь решительной преобразовательной работой или внешним военным напряжением – грозило опасностью взрыва. Такой панический диагноз состояния империи имел силу не только в сознании правящих верхов; и среди будущих декабристов встречаем суждение о том, что «уму непостижимо, как все это еще держится» (Завалишин), или что неизбежен переворот, «который может быть последствием одного только несовершенства финансовой системы», так что его «ни предвидеть, ни остановить нельзя» (С. Трубецкой), и т. п. Не мудрено при таком умоначертании, что «любовь к отечеству» стала основным революционным мотивом, а первое наименование тайного общества было «Союз спасения» – спасения родной страны из положения, грозившего национальным банкротством.

А «любовь к отечеству» была глубоко задета ходом международных дел. Балканские дела подорвали торговое движение Черноморского юга, Турция закрыла проливы для русских судов, а правительство не принимало к руководству того обстоятельства, что «скорое приведение в порядок греческих дел необходимо для процветания южной торговли», не говоря о полном отказе от популярных в обществе планов завоевательной политики вплоть до «изгнания турок из Европы» и «учреждения флота на Архипелаге», хотя еще так недавно – в эпоху Тильзитского союза – вело турецкую войну и добивалось от Наполеона признания Молдавии и Валахии русскими провинциями⁷. Идея национальной независимости, тесно связанная со стремлением обеспечить своей стране достаточно широкую территориальную область

⁷ Еще в 1815 году М. Ф. Орлов – этот полудекабрист из генералитета – с графом Дмитриевым-Мамоновым намечали в программе тайного «ордена русских рыцарей», вместе с основами аристократической конституции, укреплявшей государственное и крупно-землевладельческое значение «наследственных вельмож», программу политики, сочетавшую насаждение землевладельческой аристократии (в подражание английскому лэнд-лордству) с широким развитием внешней торговли на Ближнем и Дальнем Востоке и завоеванием Венгрии, всех славянских народов, Турции, с «восстановлением греческих республик под протекторатом России». Превращение европейских владений Турции в федерацию нескольких автономных областей под протекторатом России входило в планы, какие строили в свое время Александр с Чарторыйским. Крайняя политическая наивность «русских рыцарей» не лишает их тенденций показательности для настроений тех времен. Эти «пункты преподаваемого во внутреннем ордено учения» изданы А. К. Бороздиным: «Из писем и показаний декабристов», П. 1906.

для хозяйственного развития, легко переходила в националистическое стремление к борьбе за выгодное для этого развития «место под солнцем». От правительства требовали не только освобождения национальных сил к самостоятельности, но и энергичной внешней политики. В данном вопросе «греческие дела» чувствительно ударили по русскому хлебному рынку сильным сокращением вывоза, только что налаженного на южных путях и открывавшего широкие перспективы дальнейшего развития. Застой в хлебной торговле, понижение цен на хлеб были чувствительны для помещичьего хозяйства, обостряли недовольство правительственной политикой, хотя, с другой стороны, охлаждали тягу к интенсификации хозяйства и усиливали на время консерватизм помещичьей среды и ее связанность условиями рутинного крепостного хозяйства. Эти противоречия сложившихся отношений лишили в конечном счете движение декабристов сколько-нибудь широкой поддержки в обывательской помещичьей массе, несмотря на то, что сами по себе питали общее недовольство: освобождение крестьян даже в той его форме, какая замышлялась членами тайных обществ, оказалось преждевременным.

Еще острее переживалось русским обществом недовольство западной политикой Александра, в центре которой для интересов этого общества стоял польский вопрос. Само по себе присоединение Польши к империи не встречало возражений; но подлинно популярным оно было только в наиболее консервативных кругах, вельможных и крупно-землевладельческих, где мечтали о полном ее захвате, с «обращением всей Польши как прусской, так и австрийской в губернии Российские», – так сформулировано это требование в бумагах «ордена русских рыцарей»; мечтали в этих кругах о сильном расширении за счет новых «российских губерний» своего крупного землевладения подобно тому, как насаждала его Екатерина II своими пожалованиями после «разделов» и как хлопотал – по изгнании наполеоновской армии из России – Кутузов о награждении русских генералов и офицеров землями литовских и белорусских помещиков, ставших в ряды польских легионов.

Польская политика Александра пошла в разрез не только таким землевладельческим аппетитам. Организация вновь приобретенных земель бывшего Варшавского герцогства в особое конституционное королевство под властью русского императора, короля польского, представлялась его личным делом, не согласованным с интересами империи, а проект соединения с этим королевством всех литовских, белорусских и украинских земель в границах Польши до разделов вызывал самое резкое осуждение⁸. Известно, что именно эти замыслы Александра вызвали в кругу членов тайного общества первые речи о цареубийстве. Замыслы эти были поняты как проявление того «презрения ко всему русскому», в каком упрекали Александра, пристрастного к полякам и немцам.

Враждебное отношение к польской политике Александра было распространено в широких кругах русского общества, и не только в дворянских. Дело в том, что эта политика не только сильно осложняла западноевропейские отношения России и поддерживала чрезмерное напряжение сил и средств страны, нуждавшейся в отдыхе, но привела к ряду последствий, тяжело отразившихся на интересах русской торговли и промышленности, с подчинением таможенной политики иностранным требованиям, на этот раз шедшим не столько из Вены, сколько из Берлина. Русско-прусская и русско-австрийская конвенции 1815 года, устанавливавшие льготные условия торгового обмена между частями поделенной Польши, получили расширенное значение, так как охватывали прежние польские земли в границах 1772 года, и пробили сильную брешь в покровительственной таможенной системе, какую выдерживал еще тариф 1816 года. Русско-прусская конвенция 1818 года получила значение торгового договора, открыв-

⁸ Русскому обществу остались неизвестны общие замыслы Александра, которые должны были привести в конечном счете, будь они осуществлены, к преобразованию империи по «уставной грамоте», спроектированной в 1818 году, и к полному слиянию в этом новом конституционном устройстве Польши и Финляндии со всеми остальными областями империи на одинаковых основаниях с ними. Об этом – в моей книге «Александр I» (П., 1924), стр. 79–80. Да эти замыслы реального значения и не имели.

шего широкий доступ заграничным товарам на русский рынок и транзит прусским товарам в Азию. Такое «всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию», привело к разорению многих фабрикантов и купцов. Под давлением настойчивых жалоб заинтересованных групп Александр отменил конвенцию 1818 года в 1823 году, поясняя своему прусскому контрагенту, что из-за ее последствий «в России и в Польше сельская и мануфактурная промышленность не только останавливается в своем развитии, но даже приближается к неминуемой гибели»; новый таможенный тариф 1822 года вернулся к запрету ввоза многих товаров и к высоким пошлинам 1816 года. Однако вся эта «шаткость тарифа» оставила свой след в расстройстве оборотов, да и возврат к покровительству дал лишь незначительные результаты ввиду общего экономического кризиса, недостатка капиталов и слабого развития техники; производство русской промышленности к 1825 году оставалось пониженным по сравнению не только с годами относительного подъема 1809–1811, но и с первыми годами александровского царствования. Так и таможенная политика, полная колебаний, навеянных польскими планами Александра и вообще внешними политическими соображениями, «породила недоверие к правительству».

Частичное отступление Александра – его отказ от ряда пунктов непопулярной политики в польском вопросе с начала 20-х годов, в экономической политике с 1822 года, в народном просвещении с 1824 года и с конца того же 1824 года во внешней политике, особенно в балканских делах – пришло слишком поздно, частично и непоследовательно, чтобы спасти утраченную популярность правительственной власти, да и сулила только новую, националистическую ориентацию реакции против малейших проявлений освободительного движения. Отступление это сводилось к ряду уступок наиболее консервативным элементам, глашатаем которых был Карамзин в своей «Записке о древней и новой России», и крайним реакционерам, типичным представителем которых был адмирал Шишков. К тому же эти уступки не касались наиболее насущных общественных требований и не улучшали общего положения в стране. Новый поворот правительства только укреплял реакционную позицию правительственной власти и давал ей опору в консервативных кругах дворянской среды, но более прогрессивно настроенные группы толкал все более влево. А группы эти имели основание не считать себя настолько обособленными в русской общественной массе, какими оказались на деле в момент своего боевого выступления. Отсутствие сколько-нибудь планомерной работы над очередными нуждами страны при усиленной фискальной эксплуатации ее средств, тяжелой рекрутчине, военных поселениях, административном и полицейском произволе создало атмосферу массового недовольства, охватившего разные общественные слои. Общая ситуация должна была представляться революционной на фоне переживаемого страной экономического и финансового кризиса.

Но ни напряженность этой ситуации, ни сплоченность общественных групп, переживавших политическое брожение, не были таковы, чтобы сулить тайным обществам непосредственную поддержку масс. Да инициаторы движения и не искали такой поддержки вне военной среды и верхов русской общественности. По всему складу своих воззрений и настроений, по своему классовому составу они искали пути к «благоденствию» через «спасение» страны и от деспотизма, и от революционной «анархии» путем государственного переворота – захвата власти военным «пронунциаменто» по испанскому образцу, рассчитывая притом на возможное соглашение с теми или иными представителями старой правительственной власти, которые пойдут под давлением обстоятельств на серьезные уступки и примут к выполнению основные общественные требования.

II Северное общество

Движение декабристов – в том широком смысле слова, какое мы обычно ему придаем, – явление весьма сложное. В нем скрещивались различные общественно-политические тенденции, отражавшие различные общественные интересы, недостаточно дифференцированные, чтобы лечь в основу разных и отдельных партийных группировок с их отчетливыми и социально-определенными программами. В этом своеобразном синкретизме декабристской идеологии, в характерном для нее обилии различных, далеко расходившихся оттенков и противоречий при общей освободительной настроенности, причина и того, что движение не окрепло до сознания единой партийной организации, политически дееспособной, и того, что память о декабристах приобрела такую огромную и устойчивую популярность у позднейших поколений в весьма различных общественных слоях – и дворянства, оппозиционного по отношению к бюрократической власти самодержавия, и либеральной буржуазии, и революционной интеллигенции.

Центральное событие движения – 14 декабря 1825 года – разыгралось в Петербурге. Характер, ход и исход этого события определились местными петербургскими условиями. Петербург был и колыбелью движения.

Здесь, и притом в казармах Семеновского полка, завязалась первая ячейка тайного общества в группе офицеров-семеновцев 1816 года, как Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, Якушкин; а с ними из генерального штаба А. и Н. Муравьевы. В беседах этой инициативной группы разбирались «главные язвы отечества» и тревожное слагалось сознание, что правящие круги пропитаны реакционными взглядами и чужды жизненным интересам страны, а на общественную массу – на помещичье общество, закосневшее в своем крепостническом быту, – нечего рассчитывать в деле возрождения родины из упадка и депрессии. Уже в этих первых, еще не твердых шагах зарождавшегося движения на первый план выдвинулась мысль об изменении структуры центральной части власти, ее организации – «введением в России представительного правления» и ее личного состава – «отстранением иноземцев от влияния в государстве».

Этот последний мотив звучал вообще довольно настойчиво в гвардейских кругах; их оппозиционность поддерживалась особой тактикой верховной власти, состоявшей в назначении все большего процента немцев, преимущественно из среды остзейского дворянства, в командный состав, на высшие ответственные должности; силен был этот инородный элемент и в придворной среде и на высших ступенях администрации. Исполнительные службисты, не связанные с русской общественностью, всем обязанные только служебной карьере, эти служилые иноземцы казались главной опорой правительственной реакции, воплощали отчуждение верховной власти от интересов страны, раздражали своим пренебрежением к русским. В них видели любимцев и слуг династии, затиравших своим возвышением русских, способных проводить в жизнь требования своей среды, и объясняли их роль у власти так же, как объяснял ее позднее император Николай, сказавший в минуту откровенности: «Русские дворяне служат государству, немецкие – нам». Общая националистическая настроенность эпохи освободительных войн обострялась этими особенностями правящей среды и порождала напряженный разлад в армейском быту между различными группами командного состава. Такая напряженность отношений всего острее была в гвардии. Инициаторы тайного общества были выразителями ее настроений, когда задавались борьбой с засилием служилых иноземцев как особой опоры династии и деспотизма.

Гвардейские полки петербургского гарнизона дали основной состав членов-организаторов тайного общества. Участие отдельных лиц из иных кругов – не только гражданских, но даже военных – было и осталось незначительным. С расширением состава первоначального ядра на очередь стала выработка организации, и возник Союз спасения, иначе – «истинных и верных сынов отечества», устав которого с таким трудом отрешался от привычных модных форм масонской ложи. Из Петербурга дело перекинулось в Москву с переводом туда на службу некоторых членов петербургского союза и особенно с пребыванием в Москве гвардии в конце 1817 – начале 1818 года⁹, как и в южную армию – с переходом туда в штаб и в полки видных его членов. В Москве прошла переработка устава союза с помощью печатного уставного текста немецкого Тугендбунда, и Союз спасения перестроен в Союз благоденствия.

На первых порах вся организация – с «коренными» советом и управой во главе, местными управами в столицах и в провинции – была рассчитана главным образом на пропаганду и на вербовку новых членов. Большая неопределенность и расплывчатая широта программных заданий союза были причиной успеха этой деятельности; но те же свойства не давали союзу окрепнуть в подлинно дееспособную организацию. Пропаганда, направленная на распространение «здоровых понятий» о важнейших сторонах русской действительности и критического отношения к правительственной политике последних лет, возбуждала и организовывала общественное мнение в тех кругах, где вращались и приобретали влияние члены союза. Сочувствующим и казавшимся подходящими они раскрывали тайну существования союза и отдельных лиц «принимали в общество». Но все эти беседы велись так свободно и с таким минимумом конспирации, что немало было лиц, осведомленных о существовании тайного общества и его стремлениях, но не примкнувших к нему, и даже таких, которые участвовали в совещаниях членов союза, но не были формально приняты в их состав и членами себя не считали. Другие вступали в число членов, но вскоре отходили от связей с тайным обществом, то формально заявляя об этом, а то только фактически. Эти черты объясняют сбивчивость многих позднейших показаний о том, было данное лицо членом тайного общества или нет, сбивчивость иногда, конечно, намеренную, но нередко вполне добросовестную. Задача правительственных доносителей и соглядатаев не была особенно затруднена.

Но не одна слабая установка организации и конспирации довела Союз благоденствия до кризиса. Внутри союза бродили и постепенно определялись разнородные тенденции, несогласованные и несоизмеримые. Культурническая пропаганда здравых воззрений на основные явления общественной и государственной жизни, житейская борьба со всяческой неправдой, перевоспитание общества – таковы задачи, которыми для многих первоначально исчерпывалась очередная деятельность. Неизбежно, однако, нарастало сознание, что вывести страну из тупика, в какой попали, по общему мнению, ее социально-экономические и политические отношения, тупика, грозившего либо банкротством, либо внутренним взрывом, могут только планомерные действия государственной власти. Отсюда вырастало стремление найти в этой власти опору для предстоящей общественной работы. Пути к такой цели представлялись различно: влияние на власть пропагандой в правящих кругах и проведением в их среду своих людей; даже обращение к императору с адресом, где было бы изображено бедственное состояние страны и выставлено требование созыва «земской думы»; давление на правительство так или иначе организованной общественной массы; наконец, захват власти революционным подъемом и ее реорганизация – таковы этапы декабристской мысли, пройденные не всеми членами Союза благоденствия (многие останавливались на полпути этого брожения политических представлений, а то и на его пороге) и с разной степенью интенсивности. Постепенно крепло в наиболее активных элементах союза революционное настроение – борьбы за власть в отри-

⁹ По случаю закладки Храма Христа Спасителя (в память 1812 года), состоявшейся 12–24 октября 1817 г.

пательной форме низвержения существующего режима путем царевубийства и вооруженного восстания и в положительной – организации новой власти, республиканской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.